

Шевчук А. Г.

Социокультурная рубежность как фактор формирования этноконфессионального своеобразия современного Крыма

В статье анализируются реалии эволюции старых и формирование новых особенностей социокультурных процессов, определяющих современное направление, локализацию и динамику развития нового культурно-цивилизационного кода крымчан в условиях интеграции ландшафтного своеобразия Крыма.

Ключевые слова: культурно-цивилизационный код, локализация, ландшафт, полиэтничность, поликонфессиональность, социокультурная рубежность, этнос, коэволюция, интерэтническая среда.

Актуальность исследования определяется необходимостью постоянной коррекции административно-политической практики, которая в крымских условиях определяется как процесс мирной, устойчивой коэволюции.

Изучение социокультурной рубежности Крыма как одного из проявлений интеграции в ландшафт населения Крыма – важная часть характеристики этноконфессионального развития региона, позволяющая исследовать особенности формирования в нем такого феномена, как мультиэтничность и поликонфессиональность, в которых формирование социокультурной рубежности рассматривается с точки зрения локализации и активности проявления культурно-цивилизационного кода.

Цель работы: на примерах исторической ретроспективы проанализировать вероятные векторы интеграции в крымский ландшафт и динамику развития социо-

культурных процессов в Крыму при расширении «фактора неопределённости» в условиях кризисных явлений и глобальных вызовов начала XXI века. Основными задачами являются: анализ библиографии изучения эволюции этнокультурных и социальных процессов в Крыму, исследование факторов социокультурной рубежности в Крыму в историческом контексте, рассмотрение этнического фактора в социокультурной рубежности, региональных особенностей формирования конфессионального пространства.

Библиография изучения эволюции этноконфессиональных и социокультурных процессов Крыма достаточно обширна, её анализ проведен в нашей работе. В работах Б. П. Вологодина, С. А. Усова, Я. Е. Водарского, О. И. Елисеевой, В. М. Кабузан авторы анализируют изменения этнического состава населения Крыма в период до присоединения его территории к Российской

империи в 1783 г. и по настоящее время. Исследованию трансформации этнического самосознания народов Крыма посвящены работы В. Э. Абдураимова, В. Б. Евтуха, В. П. Колесника, К. В. Коростелиной, А. В. Мальгина и других ученых.

Появление в последние двадцать лет значительного количества квазинаучных публикаций и симулякров по данной проблематике ставит вопрос о необходимости ретроспективного анализа, построенного на основе изучения точных статистических данных и установленных исторических документов; частичному решению этой проблематики посвящена данная публикация.

Социокультурная рубежность Крыма определяет наличие в регионе границ, оконтуривающих расселение и контакты носителей различных культур и цивилизаций, объясняя наличие в этих контактах взаимодополняемости или отчужденности этносов и религий. Социокультурная рубежность является итогом сложного процесса укоренения этносов в определенном типе ландшафта.

Частным случаем социокультурной рубежности можно считать этнические границы, определяемые по Б. М. Эккелю как: «В связи со свойствами географического пространства и особенностями контактирования этносов в полосе этнических границ становится более понятным разме-

жение очагов этногенеза на поверхности Земли» [1, с.91].

Полиэтничность крымского полуострова – это, в первую очередь, проблема территориальная. Любой этнос обитает не просто в пространстве, но в его конкретной части, имеющей границы и обозначаемой в географии как территория.

Географическое пространство обладает свойствами барьерности и контактности. Естественными географическими барьерами на различных исторических этапах могут быть реки, моря, горные хребты, пустыни, непроходимые леса. Но, те же степи, реки и моря, улучшающие возможности сообщения с формируемой этносами транспортной сетью, легко повышают проницаемость географического пространства, делая его более контактными.

По мнению Б. М. Эккеля, оптимальным для этногенетических процессов является сочетание в пределах какой-либо территории более и менее проницаемых ландшафтов [1, с. 92]. Такое сочетание способствует увеличению контактов между этносами, а затем и относительной изоляции этнического конгломерата в процессе формирования новой этнической общности.

Можно предположить, что полиэтничность Крыма объективно обусловлена его географической рубежностью между легко проницаемыми степными ландшафтами севера, барьерными ландшафтами Крым-

ских гор и контактными территориями прибрежной полосы Черного моря.

Для формирования полиэтничности территории Крыма такое ландшафтное чередование контактности и барьерности оказалось оптимальным для возникновения здесь не просто этнических, но цивилизационных или социокультурных рубежей.

Подтверждение этой мысли находим в работе географа Н.В. Дена «Крым», которая начинается такими строками: «Положение Крыма между степью и морем оказало очень существенное влияние на его историческое и хозяйственное развитие. Море связывало его со всем средиземноморским миром и его культурой. Степь же Крыма, соединенная с южнорусскими степями лишь узким перешейком, служила как бы резервуаром для тех многочисленных кочевников, которые толпами проходили из Азии на запад. В Крыму сталкивались и вступали во взаимодействие между собой два разнородных начала» [2, с. 3].

Всю историю Крыма до присоединения его к России в 1783 г. Н. В. Ден рассматривает как взаимодействие и борьбу средиземноморской и кочевой культур, резкое различие в способах жизнедеятельности между которыми обеспечивало их продолжительное самостоятельное существование. Кочевники не знали мореплавания и в течение веков вынуждены были прибегать к посредничеству обитателей прибрежной полосы. В этом взаимодей-

ствии происходило и взаимное влияние друг на друга встретившихся культур.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. социокультурная рубежность полуострова расширила свой славянский компонент (в составе великороссов, малороссов и белорусов). Произошло не просто механическое изменение этнической структуры полуострова - привились новые стандарты организации его пространства.

Привыкшие жить в условиях разнообразия ландшафтной среды, в которой были степи и леса, морские побережья и горы, славяне не опасались нарушать традиционные географические барьеры, увеличивая тем самым проницаемость пространства полуострова.

Строительство городов, железных дорог, портов, изменение способов землепользования, обустройство мест отдыха, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв. заложило основу для постепенного включения Крыма в мир российско-православной культуры. Результатом этого, по мнению крымского историка А. В. Мальгина, можно считать появление у славянского населения полуострова ощущения неразрывной связи с их историческим «хоумлендом», которое свойственно людям не колонизирующим, а обустривающим территорию для совместного проживания с другими этносами [3].

XIX–XX вв. могут быть обозначены в этнической истории Крыма как период формирования «руководящих этносов».

Термин «руководящий этнос» ввел в научный оборот С. М. Широкогоров. В своей монографии «Этнос» он отметил, что: «... процесс культурного развития, носителями которого являются этносы, выдвигает тот или иной этнос в руководящие... Смена руководящих этносов есть естественный процесс, указывающий на жизнеспособность человека. Состояние руководства сопровождается быстрым упадком с оставлением потомков или без них. Поэтому, такое состояние постоянной гегемонии одного этноса невозможно и борьба между этносами есть естественная функция человечества» [4, с. 116, 119].

Этническую дифференциацию Крыма, сопровождавшуюся появлением «руководящих этносов», следует рассматривать в контексте смены этнического доминирования этносов. «Руководящие этносы» - это стабильно растущие по численности группы людей, которые выделяются в этнической структуре региона своим стремлением к повсеместному расселению по его территории. Именно такое «руководство» с большей или меньшей интенсивностью демонстрировали в исторической ретроспективе два этноса: славянский и тюркский.

Социокультурную рубежность в Крыму до 70-х годов XVIII в. формировали несколько народностей: армяне, греки, евреи, караимы, крымчаки, татары, цыгане. «Руководящим этносом» этого периода можно считать тюркский, к представителям кото-

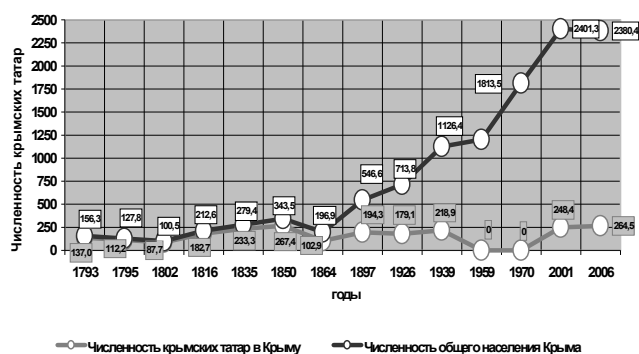
рого статистика относилась в первую очередь крымских татар.

В 70-х гг. XVIII в. на долю татар приходилось примерно 80 % всего населения Крыма. Христианское население полуострова в это же время не превышало, по мнению С. А. Усова, 17-20 % [5, с. 74]. В 1795 г. по результатам пятой имперской ревизии населения в Крыму была зафиксирована новая народность – русские, составившая в то время, по мнению Я. Е. Водарского и др., 4,3 % общей численности жителей полуострова [6, с.59]. Конец XVIII в. стал началом динамичного приращения русского населения Крыма, которое по материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. составило уже 33,1 % жителей полуострова против 35,6% татар [7].

Таким образом, на рубеже XVIII-XIX вв. в Крыму наметилась смена «руководящего этноса», определившего новый рисунок этнических рубежей на полуострове. Все последующие переписи населения, вплоть до Всеукраинской переписи 2001 г., фиксировали в Крыму увеличение многоэтничности при существенном количественном преобладании славянских этносов, прежде всего, в составе его русского, а также украинского и белорусского этнических компонентов [8].

Крымскотатарское население Крыма по переписям XVIII-XXI вв. (тыс. чел.)

Всеукраинская перепись населения 2001 г. отметила уменьшение доли русско-го этноса на полуострове в пределах 11,6%. По данным В. Д. Яремчука доля крымских татар в общей численности населения полуострова в разные годы XX в. составляла: в 1917 – 26,8%, в 1926 – 25%, в 1939 – 19,4%, в 1959 – 2%, в 1989 – 1,3% [9, с. 170].

В 2001 г. расширительная тенденция этнического присутствия славянской части населения современного Крыма сменилась его сокращением и увеличением этнического присутствия в результате репатриации тюркского этноса, представленного уже 12,1% крымских татар [10].

Отметим, что и конфессиональная структура населения Крыма складывалась до наступления советского периода в соответствие с теми пропорциями, которые существовали в этническом составе его жителей на протяжении XVIII-XIX вв.

В частности, для этого периода характерна крупная внутрирегиональная миграция крымских татар, которая по своей территориальной устремленности из степных в горно-прибрежные территории, очень

напоминает современные перемещения этого народа.

Во многом последствия внутрирегиональной миграции крымских татар носили predetermined характер. Так, например, исход христианского населения Крыма в Приазовье в 1778 г. заложил условия для расширения конфессионального присутствия мусульманского населения полуострова не только в степных и предгорных, но и приморских территориях южного берега Крыма. Ведь у мусульман полуострова не оставалось в этот период серьезных по численности и укорененности этноконфессиональных «соперников».

Лидерами устойчивого конфессионального присутствия мусульман в Крыму оставались Перекопский, Феодосийский и Евпаторийский уезды, в сельской местности которых концентрировалось 83% мечетей Крыма.

В 1864 г. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел зафиксировал увеличение количества мечетей в сельской местности Ялтинского уезда лишь на 47 зданий. Все они, по-прежнему, располагались вне городских территорий. Заметим, что к этому периоду Ялтинский уезд стал лидером территориальной концентрации татарского населения в Таврической губернии. В то же время в Симферопольском уезде, имевшем к 1864 г. примерно одинаковое с Ялтинским количество жителей мусульманского вероисповедания (18,0 и 22,0 тысячи человек

соответственно) количество мечетей увеличилось почти вдвое, достигнув показателя в 292 здания, четверть которых располагалась в городской местности. Очевидно, крымские татары в пределах южного побережья приращивали количество мечетей, принадлежащих ранее туркам-огузам и потомкам других древних народов Крыма. Территориями преимущественного расселения крымских татар после их миграции в Турцию в период завершения Крымской войны в количестве, превышающем 140 тысяч человек, оставались степные и предгорные районы Крыма [7, с. 43]. В 1864 г. здесь проживало 69,9% мусульман Таврической губернии.

Таким образом, региональной особенностью формирования крымского конфессионального пространства в XVIII–XIX вв. можно считать его ориентированность на особенности исторического освоения территории различными этносами.

Так, например, основной ареал устойчивого конфессионального присутствия мусульманского населения Таврической губернии, существенно не менял своей географической локализации даже в результате массовых миграций населения или военных действий. Этот ареал пространственно совпадал с ландшафтными областями степи и предгорья, т.е. территориями, которые осваивались татарами в момент их появления на Крымском полуострове в XIII в. Южный берег Крыма, испытывая периодические увеличения му-

сульманского населения, не может считаться регионом с исторически укорененным крымскотатарским населением. Крымские татары утверждали свое конфессиональное присутствие в этом регионе Крыма посредством замещения турков-огузов и крымских христиан, сохраняя их тип освоения территории.

Анализ документов первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. подтверждает вывод об историко-географической обусловленности формирования конфессионального пространства Крыма в конце XIX в. К этому времени, территория полуострова была заселена и освоена славянами в такой степени, что православие, наряду с исламом, стало его доминирующей конфессией.

В среднем, доля православных в Крыму составляла в 1897 г. 52,5% от общей численности населения, а мусульман – 30,3 %. Территориально доминирование православия отмечалось в таких градоначальствах: Севастопольском – 81%, Керчь-Еникальском – 76% и Феодосийском уезде – 51%. Менее всего православного населения проживало в Ялтинском уезде – 35%, т.е. в пределах территории, где к середине XIX в. произошло социокультурное замещение турков-огузов народами кипчак-половецкой группы.

В состав православного населения Крыма входили русские (94,5%), из них малороссы составляли – 56,8%, белорусы – 0,9%, а также болгары (3,9%) и греки

(5,5%). В составе мусульман Таврической губернии в конце XIX столетия большинство составляли татары (98%). При этом доминировали мусульмане только в Ялтинском уезде (60%), в остальных уездах их численность не превышала 50% (Симферопольский – 42%, Евпаторийский – 40%, Феодосийский – 37%, Перекопский – 23%), а в градоначальствах максимально достигала пяти процентов.

По мнению крымского историка А. Р. Никифорова, содержание современной этнической истории Крыма составляют два важнейших социокультурных процесса: формирование крымского регионального сообщества и становление крымскотатарского этноса [11, с. 97].

Истоки формирования крымского регионального сообщества следует искать на рубеже XVIII-XIX вв., когда началось освоение Крыма в рамках Российской империи, продолжившееся в границах СССР. Целостность и своеобразие этого сообщества носят социокультурный характер, не исключая наличие этнического потенциала, и проявляются, главным образом, в доминировании русского языка, русской культурной традиции, а также в политических предпочтениях, заметно отличающихся от господствующих на материковой Украине.

Современному этапу этногенеза крымских татар присущи все те противоречия, которые отмечались разными исследователями на протяжении XX в. Между различ-

ными группами крымских татар существовали, по крайней мере до середины XX вв., довольно значительные бытовые, культурные (и духовно-, и материально-), лингвистические и даже антропологические различия [12].

На протяжении XX в., крымские татары подверглись ряду существенных трансформаций, которые отразились на их этничности. В число этих трансформаций исследователи включают две неудачные попытки конституирования крымскотатарской государственности: в октябре-декабре 1917 г. и в апреле 1918 г. [13, с. 31-33]. Среди трансформационных факторов называются также усилия советской власти по приданию Крымской АССР «национального» крымскотатарского характера в рамках осуществления политики коренизации [там же, с. 45-49], сопровождавшиеся работой советского государства по стиранию этнических различий в среде крымских татар. Мощными факторами формирования современной крымскотатарской общности стали депортация крымских татар в 1944 г., их борьба за возвращение в Крым, процесс репатриации. «Перечисленные события настолько видоизменили крымскотатарское сообщество, что, думаю, имеются достаточные основания, чтобы говорить о возникновении новой этнической общности под названием крымские татары, становление которой происходит у нас на глазах», - отмечает А. Р. Никифоров [11, с. 96].

Но, вместе с преемственностью, современных крымских татар отличает новое восприятие этнической территории, которая мыслится ими как «своя» только в контурах Крымского полуострова (по мысли А. Р. Никифорова – это итог развития этноса в XX в.). За годы депортации вынужденно изменилась специализация хозяйственной деятельности крымских татар, вынужденный характер приняла в ходе репатриации система их расселения, трансформировалась крымскотатарская этническая мифология. Кроме того, по мнению В. Э. Абдураимова, крымскотатарский народ активно нарабатывает опыт жизни в условиях компактного национально-территориального ядра, что естественно обостряет его поведенческие стереотипы, сформировавшиеся за полвека жизни во фрагментарном состоянии инонациональной среды, порождающей в поведении крымских татар в основном защитные функции [14].

Крымские татары, выпав на несколько десятилетий из процесса становления крымского регионального сообщества, вновь получили возможность участвовать в нем. Однако, политизация социальных процессов, затронувшая все этнические группы современного Крыма, вызывает в крымскотатарском сообществе боязнь этнической ассимиляции и способствует добровольной сегрегации крымскотатарского народа. А. Р. Никифоров высказывает по этому поводу оригинальную

мысль о том, что если произойдет этническая изоляция крымских татар, то крымское региональное сообщество, которое будет идентифицировать себя как «крымчане», может трансформироваться в самостоятельную этническую группу и «взаимоотношения между крымскими татарами и крымчанами вследствие этого приобретут характер межэтнических» [11, с. 98].

Сегодня, когда в Крыму проживают представители 125 народов [15], территориальный рисунок этнической рубежности претерпел некоторые изменения.

Всеукраинская перепись населения 2001 г. зафиксировала на полуострове новый вариант этноконфессиональной дополнителности. Рубежи внутриэтнической и конфессиональной контактности славянского населения Крыма дополнились рубежностью с тюркским компонентом, преобразовавшись, таким образом, в цивилизационные границы между славяно-православным и тюрко-мусульманским мирами.

В Крыму существенно сузился ареал слабой смешанности населения, который с определенной долей условности можно именовать «ареалом моноэтничности», и, следовательно, расширилась территория, где частота межэтнических контактов придает ей полиэтнический характер. Современный Крым имеет сузившийся ареал районов «сверхсмешанного населения». В число этих территорий по материалам всех

означенных выше переписей входит лишь Джанкойский район. Здесь ни один из этносов не составлял большинства с 1926 по 2001 гг. Очевидно, удобное транспортно-географическое положение района сформировало у него функцию принимающей территории, которая позволяет различным этносам, попавшим в Крым, пройти первичную стадию адаптации на полуострове и в дальнейшем изменить место локализации.

Основной массив территориальных единиц современного Крыма имеет традиционно средне- и сильносмешанный этнический состав, в котором доминирующим этносом остаются русские. Этот массив располагается в пределах всех ландшафтных зон, характерных для Крыма: степной, предгорной и горно-прибрежной. Вместе с тем, именно в пределах районов средней- и сильной смешанности этнического состава населения сформировались Предгорная и Степная этноконтактные зоны с повышающейся степенью этнического присутствия крымских татар. Четырехкратное увеличение численности крымских татар в степных и предгорных районах полуострова позволяет говорить о реставрации их устойчивого этнического присутствия в пределах означенных территорий и стремлении занять те ландшафтные зоны, которые этот этнос традиционно считал наиболее комфортными для собственной жизнедеятельности.

Исследуя современный аспект проблемы социокультурной рубежности в Крыму, мы пришли к выводу, что ландшафтная среда и границы её отдельных компонентов в настоящее время не являются достаточным условием маркировки этнических рубежей. Слишком велика степень техногенной переработанности «месторазвитий» современных этносов Крыма.

Техногенная система общества придает условность и даже некоторую трансграничность этническим процессам, поскольку способы хозяйственного освоения территорий в индустриально развитых странах приобрели на рубеже XX-XXI вв. характер окончательно стандартизированных, а не этнически неповторимых операций.

Мы считаем, что высокая степень антропогенной преобразованности территории полуострова существенно ослабляет эмоционально-когнитивную связь этноса с природной средой, создавая предпосылки для разрушения подсознательной субъективной приверженности к тому или иному ландшафту, «приятия» или «неприятия» «чужого» ландшафта.

Понимание культурного ландшафта как средоточия переходных зон различного функционального и когнитивно-психологического наполнения важно учитывать при исследовании современного процесса этногенеза и расселения крымских татар. Его нередко пытаются пред-

ставить как естественный только в условиях тех ландшафтов, которые были этноформирующими для крымских татар до момента их депортации в 1944 г. Современные культурные ландшафты Крыма лишены отчетливо выраженной функции этноформирования для определенной группы или одного этноса. Высокая степень их антропогенной преобразованности позволяет считать ландшафтную среду Крыма интерэтнической.

Таким образом, социокультурная рубежность Крыма может служить индикатором его этноконфессионального разнообразия, но маркировка её рубежей в условиях индустриального общества не может быть основана только на ландшафтных границах развития этноса, и поэтому современный геодемографический процесс в Крыму не имеет существенной зависимости от степени этнической мозаичности его территории.

Литература

1. Эккель Б. М. Конфигурация границ и формы этнических ареалов / Б. М. Эккель / Географические границы. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С.87-95.
2. Ден Н. В. Крым / Н. В. Ден. – М.-Л. : Госиздат, 1930. – 103 с.
3. Мальгин А. «Русский Крым» в поисках себя / А. Мальгин // Диаспоры. – 2003. - № 4. – С.105-130.
4. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных признаков изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. – Шанхай, 1923. - 132 с.
5. Усов С. А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края / С. А. Усов // Крым. – Вып. 1. – 1928. – №1 (5). – С.64-85.
6. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII - конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав) / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан. – М., 2003. – 83 с.
7. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – СПб. : Изд-е Центрального стат. Комитета Министерства Внутренних дел, 1904. – Т. 41. – 309 с.
8. Шевчук А. Г. Некоторые аспекты миграционной динамики крымскотатарского населения в XVIII–XXI веках / А. Г. Шевчук // Актуальні проблеми розвитку Автономної Республіки Крим: матеріали круглого столу / за ред. Н. В. Каповської; Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м.Сімферополі. – Сімферополь : Сонат; СФ НІСД, 2007. – С. 81-109.
9. Яремчук В. Д. На шляху до міжнародної злагоди в Криму / В. Д.

- Яремчук // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С.168-172.
10. Итоги Всеукраинской переписи населения 2001 г. по городам и районам Автономной Республики Крым. Статистический бюллетень. – Симферополь: Госкомстат Украины. Главное управление статистики в АРК, 2003. – 10 с.
 11. Никифоров А. Р. Этнические процессы в современном Крыму / А. Р. Никифоров // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 94-98.
 12. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы истории и этнографии Крыма / А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – С. 211-222.
 13. Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство / О. А. Габриелян, С. А. Ефимов, В. Г. Зарубин, А. Е. Кислый, А. В. Мальгин, А. Р. Никифоров, В. М. Павлов, В. П. Петров – Симферополь : Издательский дом «Амена», 1998. – 340 с.
 14. Абдураимов В. Э. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму / В. Э. Абдураимов // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы : Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 4-9.
 15. Национальный состав населения Крымской АССР (данные Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Симферополь, 1991.

У статті аналізуються реалії еволюції старих і формування нових особливостей соціокультурних процесів, визначають сучасний напрям, локалізацію та динаміку розвитку нового культурно-цивілізаційного коду кримчан в умовах інтеграції ландшафтної своєрідності Криму.

Ключові слова: культурно-цивілізаційний код, локалізація, ландшафт, багатоетнічність, поліконфесійність, соціокультурна рубіжність, керівний етнос, коеволуція, інтеретнічне середовище.

The article examines the realities of the evolution of the old and the formation of the new features of sociocultural processes determining the current trend for localization and dynamics of the development of new cultural and civilizational code Crimeans in terms of integration of landscape identity of the Crimea.

Key words: cultural and civilizational code, location, terrain, multi-ethnic, confessional, sociocultural runs the boundary line, the guiding ethos, coevolution, interetnichnaya environment.

